

Мы встретились после ее выступления: она согласилась ответить на некоторые из моих вопросов. Привожу диалог.

— Давно вы ушли из театра?

— Лет шесть тому назад.

— Значит, ваша актерская судьба не состоялась!

— Я об этом никогда не думала. Меня гораздо больше волнует, состоялась ли моя жизнь.

— Вы имеете в виду успех!

— Нет, я не об успехе. Я о той внутренней жизни, которая может и не зависеть от благополучия. Ее бы нащупать, осознать в себе.

— И театр не оправдал ваши надежды!

— Театр это театр. Никто не виноват. Было время, когда мне казалось, что театр должен быть заинтересован во мне, дорожить мной.

— А он вами не дорожил!

— Нет. Я получала роли маленькие, эпизодические, в лучшем случае вторые.

— А говорят, есть бескорыстная любовь к искусству, радость служения Мельпомене. Вас это не удовлетворяло!

— Мне знакома эта радость... Перед спектаклем такой непередаваемый запах сцены: прибитой пыли и пота, шум зала за занавесом. Когда-то я думала, что даже только ради этого можно жить.

— Значит, главных ролей вы не играли!

— Нет. Впрочем, Пристли, Бунин, детские пьесы, «Машинистки» Мюррея Шисгелла. Спектакль дуэт с Юрием Голышевым в режиссуре Ивана Ивановича Соловьева. Там на сцене проходила жизнь женщины с юности до старости. Все возрастные изменения надо было сыграть, не уходя за кулисы, на глазах у зрителя. Происходящее в пьесе — смешно и нелепо то, что стоит за происходящим, — глубоко трагично. Иван Иванович был для меня средоточием всего самого главного, что я искала в искусстве.

Он был настоящий, самобытный, одинокий, сам по себе. Спектакль не был принят театром. Мы стали играть его «по подвалам», это был конец шестидесятых, тогда еще только начинали закручивать гайки. Иван Иванович научил меня понимать, что такое существование на сцене. Он был режиссе-

ром и моих спектаклей для эстрады, ставил Бунина и Булгакова.

— То есть вы ушли из театра, чтобы делать сольные программы на эстраде!

— Нет. я делала их, работая в театре.

— И какая же была ваша первая работа!

— Стихи Марины Цветаевой. В 69-м. Я как-то читала Цветаеву знакомым, они просили еще, потом попросили знакомые знакомых, я поняла, что это мое чтение в интимном кругу — салон, а не искусство, стала искать режиссера и нашла Максимилиана Немчинского. Он умеет вскрывать смысловые уровни стиха и знает, как выразить их ритмами и пластикой исполнения. Меня приглашали сначала в квартиры, затем в школы, в музеи, в институты, на симпозиумы, наконец, в Вильнюсе я получила зрительный зал, афишу, прессу, меня поддерживали преподаватели литературы в университетах — Саратовском, Казанском, Ленинградском, Московском. Начались гастроли. Рига, Хабаровск, Иркутск, Таллинн — по всей стране были теплые отзывы.

— Чьи!

— А. А. Тарковского, В. А. Мунуилова, И. С. Зильберштейна, И. Л. Андроникова. Тогда было много энтузиастов подобных выступлений. Но шестидесятые слишком быстро кончились.

МОЕ КОРЫТО МОЖНО ЧИНИТЬ, или Интервью с неизвестной актрисой

Экран и сцена. — 1993 — 2-й дек (№ 48). — С. 10.

— И вы остались у разбитого корыта!

— Мне не привыкать. В отличие от пушкинской старухи я каждый раз радуюсь, что корыто все-таки есть. Его можно чинить.

— С помощью новых программ!

— Новые программы, новые контакты, новые люди. Но дальше началось уже сплошное «подвал».

— И что же вам удалось за прошедшие с тех пор двадцать лет!

— Из четырнадцати программ в репертуаре удержались Цветаева, Бунин и Булгаков.

— Что-то многовато любви.

— Так ведь любовью мир и спасется.

— Итак, уйдя из театра, вы остались одна. Голый человек на голой земле, то бишь на эстраде. У вас хоть есть реквизит! Свет! Музыка!

— Свет, музыка, старинное кресло — это мои голубые мечты. Я ограничилась стульями, и оказалось, что это может быть интересным. Как сказал мне один зритель: «Театр — это способность человека быть театром».

— Все мое — ношу с собой!

— Да. Все главное должно быть во мне. С годами мне стало ин-

тересно, что можно делать на глазах у зрителя из ничего — из носового платка или вязаной шапки. Я ищу не бытового дыхания.

— Вы считаете себя актрисой!

— Прежде чем сыграть, актриса должна понравиться тем, от кого зависит возможность играть. Режиссеру. Или автору. Или директору театра. Наверно, я не актриса, если восстаю против того, что является условием жизни в моей профессии. Но я хочу нравиться зрителю.

— Большинство читателей «ЭС» расценят такое заявление как кокетство, желание нравиться «на-

оборот». Но пусть это останется на вашей совести. Может быть, вы просто завидуете знаменитостям!

— Да, завидовала. Мне казалось, что жизнь несправедлива мне, раз я не получаю ролей, о которых мечтаю. И не имею успеха в театральной среде. К сольным выступлениям я обратилась, чтобы доказать себе: могу играть на сцене то, что хочу.

— И теперь у вас есть свой зритель!

— В гастролях. Я поняла это, когда узнала, что некоторые люди ходят по несколько раз на один и тот же концерт. Например, на Цветаеву. Или на мою последнюю работу «Сын Человеческий». (Страницы из книг о. Александра Меня.) С ними я выступала в Париже — в Сорбонне, в Ягеллонском университете в Кракове, в Варшаве, в Католическом университете в Люблине, в Дрездене. Я чувствую, что то, чем я занимаюсь, чему-то противостоит. Может быть, поэтому так много трудностей. Меня волнуют вещи, которые нужны всегда, даже если общество думает, что ему они не нужны. Я занимаюсь тем, что не смеет быть модой, иначе оно изживет себя.

— Элитарность, факультет забытых вещей!

— Классика. Вечные ценности. Я не могу примириться с тем, когда культура оторгнута от веры.

— Собираетесь играть Священное Писание!

— Сыграть бы для начала Шарлотту в пьесе Петера Хакса «Разговор в семье Штайн об отсутствующем господине фон Гете». Премьера должна состояться 10 декабря в Доме Художника на Крымской.

— И спонсор есть!

— Профессиональный фонд «Русский театр».

— И режиссер!

— Марина Сальтина.

— Чего же вам пожелать!

— Вот вам и повод пожелать мне успеха.

Интервью
у Ариадны Ардашниковой

взяла
Элла ВЕНГЕРОВА.